

ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ В РОССИЙСКОМ ПЛЕНУ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)*

Аннотация. В статье исследуется проблема положения чешских и словацких военнопленных периода Первой мировой войны, размещенных в разных лагерях военных округов России. На основе материалов российских архивов освещается политика российских властей по отношению к военнопленным. В круг этой политики входили следующие вопросы: регулирование законодательными актами и правилами труда военнопленных на российских предприятиях и сельскохозяйственных работах, отношения между местным населением и военнопленными, забота об их здоровье, возможность принятия русского гражданства военнопленными, взаимодействие официальных властей и общества Красного Креста по оказанию им помощи. В статье показано, что в трудах историков в недостаточной мере были использованы материалы российских архивов, поэтому одна из задач данной статьи заключается в расширении источниковой базы.

Ключевые слова: Первая Мировая война, военнопленные в России, чехи и словаки, правовое положение, общество Красного Креста, труд военнопленных.

A. Ostroukhov
Moscow State Regional University
THE POSITION OF CZECHES AND SLOVAKS IN RUSSIAN CAPTIVITY IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (ON THE MATERIALS OF RUSSIAN ARCHIVES)

Abstract. In the article the problem of the Czech and Slovak prisoners of war during World War the First, stationed in various military districts of Russia, is investigated. Based on the materials of Russian archives the policy of Russian authorities towards the prisoners of war is covered. The aspects of this policy included the following issues: regulations by laws and regulations by the labor of the prisoners of the war on Russian enterprises and

agricultural work, the relationship between the local population and the prisoners of the war, the concern about their health, the possibility of the Russian prisoners of the war to gain Russian citizenship, the cooperation between official authorities and the Red Cross in order to provide assistance. The article shows that in the works of our historians the materials of Russian archives are not adequately used, so one of the objectives of this article is to increase the source base.

Key words: World War the First, the prisoners of war, Czechs and Slovaks, a legal status, the Red Cross, the work of the prisoners.

Данная статья, опираясь на материалы российских архивов, характеризует положение чешских и словацких военнопленных в России и является продолжением публикации, в которой рассматривался тот же вопрос на основании источников из пражских архивов [1].

В статье использованы документальные материалы из ведущих российских архивов, таких, как Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) и Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Выявленные источники, позволяющие закрыть «белые пятна», оставшиеся от предшествующих исследований, содержатся в следующих фондах:

- 1) Фонд 2000 – Главное управление Генерального Штаба (РГВИА);
- 2) Фонд 1558 – Штаб Приамурского военного округа (РГВИА);
- 3) Фонд 1720 – Штаб Казанского военного округа (РГВИА);
- 4) Фонд 3333 – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (ГАРФ);
- 5) Фонд 3341 – Центральная коллегия по управлению делами Российского Общества Красного Креста (ГАРФ);

Документы, представленные в этих фондах, включают ведомости, справки, сравнительные списки, анкетные данные, постановления, приказы, правила, регули-

* © Остроухов А.И.

рующие положение чешских и словацких военнопленных, их ходатайства, направленные в Главное управление Генерального штаба, прессу. Перечисленные источники позволяют с большей или меньшей степенью информативности исследовать вопрос о судьбах чехов и словаков, попавших в российский плен в 1914-1918 гг.

В историографии советского периода, посвященной проблеме положения чешских и словацких военнопленных во время Первой мировой войны, наибольшую роль сыграла монография Клеванского А.Х. «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус», опубликованная в 1965 г. В основу книги легли исследования чехословацких историков тех лет, значительное количество материалов из архивов СССР^{1, 2, 3, 4} и Чехословакии. Автором было рассмотрено положение чешских и словацких военнопленных в России и развитие национального движения в их среде. Монографии присущ более взвешенный и тщательный, чем в предыдущих работах по этой теме, подход к освещению вопроса о численности чешских и словацких военнопленных в России.

Исследуя положение чехословацких военнопленных и отношение к ним со стороны российских властей и проанализировав положения международных Гаагских конвенций о правовом статусе военнопленных 1899 и 1907 гг., Клеванский пришел к выводу, что ни один из пунктов российскими властями не выполнялся и фактически чешские и словацкие военнопленные были отданы на произвол местных военных властей, комендантам лагерей и охраны, местных предпринимателей и подрядчиков, которые поступали с военнопленными, исходя из своих собственных потребностей и желаний, грубо нарушая и не выполняя предписаний Гаагских конвенций [2, 32].

Одним из несомненных достоинств книги Клеванского является то, что впервые в советской историографии для исследования вопроса об отношении власти к чехословацким военнопленным в России были привлечены новые архивные материалы. Однако автор не рассматривал такой важный аспект темы, как отношения между местным населением и чехословацкими военнопленными.

Диссертационное исследование Недбайло Б.Н. «Чехословацкий корпус в России (1914-1920)» состоит из трех разделов: 1) чехословацкие военные формирования в годы

Первой мировой войны, 2) Чехословацкий корпус в борьбе против советской власти в 1918 году, 3) участие Чехословацкого корпуса в противоборстве политических сил во время Гражданской войны в России.

Ссылаясь на материалы РГВИА^{5, 6}, Недбайло Б.Н. подробно освятил такую сторону положения чешских и словацких военнопленных, как использование их труда на предприятиях и в сельском хозяйстве. Он пришел к выводу, что ГУГШ, стремясь к экономической выгоде, относилось к военнопленным, «как к рабам»: их постоянно эксплуатировали, заставляли выполнять самые тяжелые сельскохозяйственные работы, строить железные и шоссейные дороги [3, 27-28].

Однако вопрос о регулировании этого труда законодательными актами и правилами для военнопленных остался неизученным. Между тем в РГВИА содержатся сведения, позволяющие выявить, какие законодательные акты и правила регулировали труд чешских и словацких военнопленных не только на российских предприятиях, но и на сельскохозяйственных работах. Все вышеперечисленные документы сосредоточены в фонде 2000, и с них начнем рассмотрение этого вопроса.

Главное управление Генерального штаба (эвакуационный отдел по заведыванию военнопленными) установило от 17 декабря 1916 г. следующие «Правила приема военнопленных на работу для российских предприятий»:

1) «При сдаче военнопленных, от ведомства они должны быть снажены необходимыми по времени года одеждой и обувью, а равно и бельем;

2) В местах работ военнопленные размещаются в бараках и землянках, и лишь при отсутствии таковых и невозможности срочно выстроить их, в ближайших селениях, в частных домах, но непременно казарменным порядком;

3) Во время работы чешские и словацкие военнопленные нижних чинов получают продовольствие из общего котла, на одном основании с нижними чинами русской армии.

4) В обязанности начальника работ на предприятии лежит организация надлежащей постановки медицинской помощи заболевшим военнопленным»⁷.

Таким образом, Эвакуационный отдел предусмотрел многие меры по обеспечению

положения военнопленных, работающих на предприятиях. В то же время очевидно, что военнопленные изначально рассматривались как дешевая рабочая сила. Обращает на себя внимание то, что практически не регламентировался характер труда, тем самым допускалось, что они окажутся на самых тяжелых работах. Что касается вопроса обеспечения довольствием, то все военнопленные низводились до нижних чинов. В весьма общем виде регулировалась и сфера медицинского обслуживания.

Приведем другой важный документ из этого же фонда «Правила для содержания чешских и словацких пленных на сельскохозяйственных работах», принятые Эвакуационным отделом ГУГШ 30 апреля 1916 г:

1) «Питание пленных должно быть лучше, чем питание русских рабочих;

2) Пленные обязаны начинать и заканчивать работы одновременно с русскими рабочими;

3) Пленные обязаны работать в свои праздники, а равно и в воскресенья, однако вместо воскресений пленным предоставляется право отдохнуть в один из ближайших дней недели, по выбору того сельского хозяина, в распоряжении которого пленные находятся;

4) В случае нерадивости, непослушания или грубости, пленные подвергаются аресту на хлебе и воде при ближайшем волостном управлении или становой квартире на 7 суток;

5) Если дурное поведение пленного вынуждает сельского хозяина отказаться совершенно от работ этого пленного, то таковой не может быть направлен на другую работу, но должен быть немедленно же возвращен в распоряжение ближайшего воинского начальника, который с ним поступает согласно указанию своего начальства о наложении взысканий на военнопленного»⁸.

Согласно данным этого архивного документа, можно утверждать, что на сельскохозяйственных работах условия труда чешских и словацких военнопленных были строго регламентированными, в отличие от работы на российских предприятиях. Так, пленные должны были начинать и заканчивать работу в те же часы, что и русские рабочие, а также работать в выходные и праздники, но с правом на выходной в один из дней недели.

Обратимся теперь к другому малоосвещенному вопросу – к отношению местного населения к чешским и словацким военнопленным, которое проявлялось в разных

формах. Наиболее полно и подробно проблема отношения между местным населением и военнопленными отражена в архивных документах фонда 1558 (Штаб Приамурского военного округа) РГВИА. В своем ходатайстве к начальнику Приамурского военного округа учитель Никольск-Уссурийского ремесленного училища Прокопенко обратился с просьбой о разрешении «произвести фотографические снимки с расположения отряда военнопленных, и сделать несколько снимков в казармах для помещения этих снимков без текстов к ним в наших журналах («Родина», «Огонек»). Преподаватель справедливо полагал, что любая достоверная информация о пребывании военнопленных чехов и словаков в крае будет представлять большой интерес не только для современников, но так же иметь историческую ценность. Несмотря на то, что Прокопенко характеризовался только положительно и был известен как «любитель фотографии, посылающий их в разные журналы», его просьба, дошедшая до командующего округом генерала А.Н. Нищенкова, была резко отклонена⁹. В результате фотодокументального материала о жизни чешских и словацких военнопленных в Приамурском военном округе практически не сохранилось.

Определенные недоразумения между чешскими и словацкими военнопленными и местным населением стали возникать на почве денежных расчетов. Разрешение под конвоем посещать магазины и рынки было объявлено военнопленным, как офицерам, так и нижним чинам, сразу же по прибытию их в лагеря Приамурского военного округа. Однако естественное желание приобрести продукты и товары первой необходимости наталкивалось на отказ продавцов принимать иностранные деньги. Как типичный пример, газета «Приамурье» в №3 от 25 февраля 1916 года приводила разговор на базаре в Шкотово: «Наши не принимают кроны, а чехи удивляются – «Серебро же!» «Мало ли что серебро, - смеются торговцы, – да не русское!»¹⁰.

В целях устранения таких расчетных затруднений, которые потребовали быстрого решения в масштабах всей страны, Главное управление Генерального штаба сделало запрос министерству финансов. Министерством было отдано распоряжение отделениям Государственного банка, губернским и уездным казначействам о приеме германских кредитных билетов по цене 30 копеек за

марку, австрийских – по 25 копеек за крону. Для золотых и серебряных полновесных монет устанавливались курсы: германская марка по 46 и 17 копеек, австрийская – по 39 и 15 копеек. Никелированные, бронзовые и медные деньги приему не подлежали¹¹.

Несмотря на то, что Главное управление Генерального штаба оперативно уведомило об этом распоряжении все банки и казначейства округа, обмен денег на местах оставался проблематичным. По поводу отказа местных казначейств в обмене германских и австрийских денег на рублевый эквивалент руководством штаба Приамурского военного округа сообщалось, что после запроса «Государственный банк уведомил, что распоряжение о покупке иностранных денежных знаков от военнопленных первоначально было дано тем учреждениям Государственного банка, в районе коих были сосредоточены чешские и словацкие военнопленные». Разрешение проводить обмен денег для военнопленных было дано лишь следующим дальневосточным конторам и отделениям Государственного банка и приписанным к ним казначействам: Хабаровскому, Николаевскому-на-Амуре, Владивостокскому¹².

Забота о здоровье военнопленных во время их пребывания в российских лагерях было одним из приоритетных направлений политики официальных властей и ГУГШ по отношению к иностранным пленным. Очевидно, это было связано с тем, что российские предприятия и сельские хозяева нуждались в здоровых и сильных военнопленных, готовых выполнить самые тяжелые работы. Эвакуационный отдел ГУГШ 21 января 1915 г. издал приказ, имевший юридическую силу для всех военных округов России: «Военнопленные, забираемые нашими армиями на полях сражений и сосредотачиваемые для дальнейшего направления в пределах военных округов, находятся в большинстве случаев в крайне загрязненном и антисанитарном состоянии. В виду той опасности, которую представляет собой антисанитарное состояние военнопленных, в смысле появления и распространения заразных заболеваний, могущих носить эпидемический характер, наш отдел приказывает военным начальникам всех военных округов России, позаботиться об устройстве специальных бань, приспособленных для дезинфекции военнопленных, через которые в наикратчайший срок должны пройти военнопленные перед отправлением в пункты, назначенные

для постоянного квартирования, а также об устройстве этих бань в самих пунктах пребывания военнопленных»¹³.

Согласно этому документу, становится очевидным, что ГУГШ предприняло все усилия, чтобы свести риск заболеваний среди военнопленных к минимуму. Что же касается чешских и словацких военнопленных, то Эвакуационным отделом были также приняты меры по защите их здоровья. В фонде 1720 (Штаб Казанского военного округа) РГВИА находится письмо начальника штаба Казанского военного округа о чешских и словацких военнопленных ГУГШ: «В распоряжении начальника гарнизона города Сызрани для снабжения пленных чехов и словаков назначено и отправлено вещей: 1) Из Казанского вещевого склада 1000 теплых курток и пиджаков, 200 пар валенков и 50 шапок; 2) Из Пензы от уездного воинского начальника 1000 шаровар и 300 пар сапог; транспорт уже отправлен»¹⁴.

В письме на имя начальника Эвакуационного отдела ГУГШ от 16 января 1915 г. военно-санитарный инспектор Казанского военного округа пишет, какие меры были приняты для обеспечения здоровья чешских и словацких военнопленных, проживающих в поселке Паратского завода: «Приведя тщательный осмотр данного места, я пришел к выводу, что заболевания сыпным тифом локализуются среди чешских и словацких военнопленных, помещенных в верхнем поселке Паратского завода, и для предотвращения развития эпидемии принятые следующие меры: 1) Заболевшие изолированы в нескольких отдельных зданиях завода; 2) Усилен надзор за санитарно-гигиеническими условиями быта для военнопленных и обращено внимание на необходимость снабжения их бельем и кипяченой водой; 3) Установлено наблюдение за тем, чтобы жители верхнего поселка Паратского завода не приходили в соприкосновение с живущими в нижнем поселками чехами и словаками»¹⁵.

Таким образом, благодаря мерам, предпринятым российскими властями для обеспечения здоровья чешских и словацких военнопленных, удалось избежать массовой смертности от обморожения, так как военнопленные попадали в российские лагеря в основном без теплой одежды, а также смертности от эпидемий, вызванных не всегда соблюдавшимися санитарно-гигиеническими требованиями к бытовым условиям чешских и словацких военнопленных.

Реальным шагом российских властей по улучшению положения чешских и словацких военнопленных можно считать Постановление Временного правительства от 17-го июня 1917 г. «О приеме в подданство России неприятельских военнопленных, состоящих в рядах Русской армии или добровольческих воинских частях». Условиями, срок действия которых распространялся до окончания текущей войны, являлись: «попадача личного ходатайства желающим, поручительство солидной славянской организации, благоприятный отзыв местных властей в случае, когда это возможно»¹⁶. Тогда же военнопленные славянского происхождения получили право вступать в брак с русскими гражданками. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде 3333 (Центральная коллегия по делам пленных и беженцев) содержится ответ Центральной коллегии о пленных и беженцах на письмо русской женщины, желающей выдать замуж свою дочь за военнопленного чеха: «Вдова Елена Михайловна Жигальцева, проживающая по Тургеневской улице в доме Моисеева, просит разрешения на брак дочери Елены с австро-венгерским военнопленным Матвеем Матвеевичем Варга, чехом по национальности. Центральная коллегия о пленных сообщает, что с ее стороны не встречается препятствий, при наличии у военнопленного требуемых для совершения брака документов»¹⁷.

В целом же решение вопроса о принятии военнопленных в русское гражданство Военным Министерством Временного правительства основывалось на двух мотивах: «1) русские гражданки, выходящие замуж за военнопленного (иностраница) становясь, в силу брака, иностранными гражданками, теряют в своих правах, между тем должны находиться в России, так как мужья в виду состояния войны, уехать к себе на родину и увезти с собой жен – естественно не могли; 2) заключение браков военнопленных с русскими гражданками практиковалось чехами и словаками как способ удобного осуществления шпионажа»¹⁸. Ввиду данных обстоятельств, в вопросах о браках и выдаче русского гражданства чешским и словацким военнопленным Временное правительство проявляло большую осторожность, выделив три категории военнопленных чехов и словаков, имеющих право вступать в брак с русскими гражданками: «1) Освобожденные на поруки, под ответственность юридических и

частных лиц; 2) освобожденные, с включением в разряд трудообязанных; 3) возбудившие ходатайство о принятии в русское подданство в том случае, если в надлежащих учреждениях о них нет компрометирующих данных, и они не могут быть приняты лишь в силу международных соглашений»¹⁹. Разрешать браки для пленных трех указанных категорий в каждом отдельном случае предоставлялось штабам округов.

В фонде ГАРФ 3341 (Центральная коллегия по управлению делами Российского Общества Красного Креста) хранятся документы от Комитетов помощи военнопленным общества Красного Креста, от родственников чешских и словацких военнопленных, в которых содержатся просьбы об установлении их места нахождения. Так, например, в июле 1918 г. родственники чешского ополченца Карла Войте, взятого в плен 2 ноября 1914 г. у Коло и находившегося до обозначенного времени в лагере военнопленных Никольск-Уссурийска, подали прошение о выяснение местонахождения своего родственника, так как «не имели о нем известий с 15-го октября 1917 года»²⁰.

Эвакуационный отдел Главного управления Генерального штаба совместно с Комитетом общества Красного Креста в России обязывались оказать всемерную помощь и поддержку родственникам чешских и словацких военнопленных в установлении их местонахождения.

Таким образом, документальные материалы из российских архивов, по сравнению с пражскими, дают возможность исследовать новые аспекты жизни чешских и словацких военнопленных в российских лагерях, такие, например, как: забота официальных российских властей об их здоровье, вопрос об отношении чешских и словацких военнопленных с местными жителями и проблема получения российского гражданства чешскими и словацкими военнопленными.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 16, 49, 50, 55.
- ² ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 112. Л. 36.
- ³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 6. Д. 166. Л. 34.
- ⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 70, 255, 274.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 7.
- ⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 182. Л. 3.
- ⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 166. Л. 34.
- ⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 162. Л. 60.

- ⁹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 30.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 78-79.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 228.
- ¹² РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 230, 232.
- ¹³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 255.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 274.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 70.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 50.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 16.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 49.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 55.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 112. Л. 36.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Остроухов А.И. Положение чехов и словаков в российском плену в период Первой мировой войны (по материалам пражских архивов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки», 2009, №1. С. 85-92.
- 2. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 32.
- 3. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914-1920): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 27-28.